О И. М. Сеченове

Милостивые государи и многоуважаемые товарищи!

Мне принадлежит вступительное слово, т. е. общий очерк личности чествуемого лица. Следует признаться, что я приступаю к нему не без волнения.

За Иваном Михайловичем и у нас и за границей признано название «отца физиологии». И такая оценка его совершенно точна. Это верно: он начал русскую физиологию, будучи знаком с нею и практически, т. е. работал по физиологии. Он первый создал физиологическую лабораторию, сам в ней всю жизнь работал и создал целый ряд школ: здесь, в Петербурге, — две, в Одессе и в Москве.

Как он начал свои работы по физиологии? Вы понимаете, что начинать и продолжать — две разные вещи. Это, я бы сказал, если бы, например, написать отличную копию. Понятно, что для инициативы требуются исключительные способности. У него они и были. Он обладал чрезвычайно сильным и трезвым умом, обращенным в действительность, ориентировавшимся и утвердившимся в действительности, а не блуждающим в разных словесных комбинациях. Этот ум замечателен уже и тем, что, когда он из России, где не было никакой физиологии, явился как бы учеником за границу, он, однако, работал над своей темой. И все важнейшие его работы целиком из его головы. Значит, за границей он пользовался только лабораторной обстановкой и методами (а методы каждый сам выдумывает).

Таким образом, в лице Ивана Михайловича мы имеем выдающегося физиолога. О работе его и его учеников будут сделаны специальные доклады. А я со своей стороны должен сказать, мало того, что он был выдающийся физиолог, он имел, по-моему, право на помещение его в «маленький» разряд творцов-физиологов, законодателей науки, от которых вышли идеи, те

идеи, которые определили работу длинного ряда поколений следующих за ним работников науки.

Я в этом случае имею в виду его «Рефлексы головного мозга». Несомненно, это была первая серьезная, настоящая научная попытка явления нашего субъективного мира анализировать физиологически. Конечно, то, что было в середине прошлого столетия и что вышло от тогдашнего материализма — Бюхнера, Молешотта и т. д. (что из мозга проистекает мысль так же, как и желчь), — это в счет научный идти не могло. Иван Михайлович, действительно, в «Рефлексах головного мозга» сделал главнейшую попытку анализировать это физиологическое явление. И в этом отношении, конечно, его работа представляется совершенно из ряда вон. Я еще недавно перечитал «Рефлексы головного мозга» и должен был признать, что они имеют совершенно такой же интерес и сейчас, как, может быть, имели в свое время и недостаточно, может быть, были поняты. Собственно все, что можно было в это время извлечь для физиолога (а тогда было очень немного экспериментального материла для этого), он захватил и это сделал. Но когда наблюдаешь тот материал, видишь, что он сам совершенно исключительный. Я поражен той массой наблюдений, которые он собрал для подтверждения своей мысли. Так что это вещь совершенно исключительна и дает ему право наименования «творца науки».

В связи с этими «Рефлексами» я остановлюсь на одной подробности, очень характерной для Ивана Михайловича. Когда я говорил в своем предисловии к «Двадцатилетним опытам» об истории учения о физиологии Гельмгольца, я должен был включить [И. М. Сеченова] и дать некоторое объяснение (или хотел дать) тех условий, при которых произошел этот гениальный взмах сеченовской мысли. И я сказал, что, вероятно, импульсы к этому были усилены возбуждениями, которые он сам переживал.

А кроме того, я помянул [в этом предисловии] некоторым образом и об аффекте. Затем я навел справки. Оказалось, эти мои слова имеют полное основание. Действительно, аффект имел значение... Под влиянием любви к одной гуманной девушке он переменил науку истреблять людей на науку сохранять людей. Он ведь начал военным и должен был уйти. Под этим влиянием он поступил в Военную медицинскую академию, а там, по свойству своей головы, он перешел к теоретической науке — к физиологии.

Иван Михайлович жил в гармонической семье, в которой удивительно сочетались огромный ум с высоким нравственным

строем. Вы уже могли заметить, как я сказал, в каком виде проявлялся его ум. Но я могу привести еще два интересных факта из его жизни. В 60-х гг., вернувшись из-за границы, он вскоре успел стать профессором Военно-медицинской академии и в этой академии блистательно начал вести преподавание физиологии, быстро образовал школу, образовал такую школу, как только можно было желать. И тем не менее спустя 10 лет он вышел из этой академии. И по какому случаю? Как раз около этого срока происходили выборы новых профессоров академии, назначенных на кафедру гистологии. Иван Михайлович представил своих кандидатов. Кандидаты эти были солидны и бесспорно научны. Довольно сказать, что одним из кандидатов был И. И. Мечников. Все хорошо известные люди. И тем не менее эти кандидаты были забаллотированы ради незначительных кандидатов, но своих. Иван Михайлович нашел невозможным оставаться дальше в этой коллегии, которая так относится к своим обязанностям, которая так плохо ценит достоинства своего заведения, и вышел из Академии. И это надо рассматривать как большой подвиг: он остался без лаборатории (я не знаю, может быть, и без средств). А тем не менее он считал необходимым это сделать. Он не хотел санкционировать такой поступок, оставаясь там.

Может быть, кому-нибудь кажется, может быть, кто-нибудь подумает, не вышло ли это из-за большой горделивости человека, что его мнение было забраковано. Но в этом отношении мы имеем положительный случай. Около того времени, когда он поступил в Академию, 3 года спустя что ли, поднялся вопрос о том, чтобы его пригласить в Академию наук. И дело это происходило для него совершенно неведомым образом. Он очень удивлялся, как это происходит. Почему-то немцы-академики (а надо сказать, что тогда Академия наук сплошь состояла из немцев: они очень строго относились к выбору в Академию русских)... около этого времени начинают этого самого Ивана Михайловича приглашать и знакомить с разными немецкими академиками. Он недоумевает, что это значит. Потом он выражается так в своей автобиографии: «Кажется, что они испытывали мою культурность». Он и обратил внимание на то, что при его посещении никакого испытания его учености не происходило, а потом, как подтвердили его заграничные коллеги, наводили точнейшие справки о его учености. Затем, после всех этих приготовлений (или испытаний, скажем), к нему от них является один из его товарищей по Академии, единственный русский академик — химик Зинин. Зинин свозил его к большой знаменитости тогдашней немецкой и русской — к эмбриологу Бэру, который был в

Академии представителем кафедры анатомии и физиологии. Вслед за тем он объяснил ему (я буду читать подлинными словами Ивана Михайловича): «Он заявил мне, что меня хотят выбрать в академики». Дальше я читаю: «Зная себе цену, я понял, что меня выбирают по поговорке: “На безрыбье и рак рыба”. К тому же я не имел никаких оснований думать, что окажусь достойным такой высокой чести в последующей деятельности. Жить же чужим умом я не хотел, поэтому наотрез отказался. Вскоре затем ко мне на нашу квартиру приехал непременный секретарь Академии наук Миддендорф, уговаривая меня изменить решение. Но желая разом отделаться, я сказал ему, что не хочу посвятить себя чисто научной карьере и буду заниматься медицинской практикой — чем дело и кончилось». Как вы думаете! Не можно ли это считать излишней роскошью человеческой культурности и т. д.? Может быть, можно обойтись в действительной жизни без этого? Нет, я не думаю. Нет, это есть основа и вообще жизни, и научной деятельности...

Господа, в знак почтения к памяти выдающегося русского человека, редкого сочетания огромного ума с редкой чистотой и высокой нравственностью, приглашаю присутствующих подняться на несколько мгновений.

Господа, так как жизнь такого человека, как Иван Михайлович, с таким умом, с такими чувствами, внешне представляет огромный и поучительный интерес, то мы чрезвычайно заинтересованы выслушать все, что нам скажут люди, имевшие счастье быть причастными к его деятельности. Я не был его учеником, я только встречался с Иваном Михайловичем несколько раз, а это были его ученики. Мы должны быть им благодарны за эти сообщения об Иване Михайловиче.

<26 декабря 1929>